

ВОЕННЫЙ

175-6-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

№ 7

І Ю Л Ъ

1869

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

802-18
638

Во всякомъ случаѣ, правительство наше, имѣя въ виду важность коканскаго рынка, служащаго посредникомъ торговли съ отдаленнымъ Востокомъ, сочло за нужное заключить съ коканскимъ ханомъ торговый трактатъ (текстъ котораго помѣщенъ выше), которымъ обезпечиваются обоюдно торговые сношенія между коканскими и нашими купцами. Хотя азіятскіе властители, какъ извѣстно, не придаютъ большой цѣны письменнымъ обязательствамъ, но при извѣстномъ расположеніи хана къ русскимъ, неразъ имъ заявленномъ, и при тѣхъ выгодахъ, которыя онъ получаетъ отъ этого союза, можно быть увѣреннымъ, что договоръ крѣпко будетъ соблюдаться, на сколько хватитъ ханской власти и вліянія. Выше было объяснено, какъ шатко правительство хана и какія опасности грозятъ ему извнѣ и внутри: при такихъ обстоятельствахъ ему нуженъ союзъ съ русскими, уже избавившій его отъ притязаній Бухары и Кашгара. Такимъ образомъ, повторяемъ, вслѣдъ за развитіемъ мѣстныхъ средствъ Туркестанскаго края, Кокану предстоитъ блестящая будущность, и тогда, можетъ быть, понадобятся болѣе надежныя гарантіи въ его дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ; въ настоящее же время, торговый союзъ достаточно обезпечиваетъ наши торговые сношенія съ Коканомъ и сопредѣльными съ нимъ странами.

* * *

ПОѢЗДКА ВЪ КАШГАРІЮ.

Поѣздка артилеріи штабсъ-капитана Рейнталя въ Кашгаръ совершена была по распоряженію мѣстнаго начальства Туркестанскаго края, осенью минувшаго 1868 года (*). Цѣль поѣздки заключалась въ разъясненіи нынѣшнему властителю кашгарскаго государства, Якубъ-беку, нашихъ взаимныхъ отношеній, клонящихся не къ завоеванію, въ которыхъ мы не нуждаемся, а къ установленію добраго и прочнаго согласія и къ развитію торговыхъ сношеній, къ обоюдной выгодѣ обоихъ сосѣднихъ государствъ.

Чтобы описаніе этого путешествія сдѣлать удобопонятнымъ и яснымъ, необходимо бросить хотя самый общій и краткій взглядъ на географическое положеніе Кашгаріи, въ особенности же рассмотреть пограничную черту, отдѣляющую ее отъ русскихъ владѣній, и затѣмъ взглянуть на современное положеніе тамъ дѣлъ.

Отступленіе это будетъ не безполезно, въ виду все болѣе и болѣе развивающихся сношеній нашихъ съ Кашгаріей.

Кашгарія, извѣстная въ географіи подъ именемъ Восточнаго Туркестана или Малой Бухаріи, въ смыслѣ политическомъ и административномъ называется *Алтышаромъ* (шестиградье), по числу шести главныхъ городовъ въ округахъ, входящихъ въ составъ одного общаго управленія. Города эти слѣдующіе: Кашгаръ съ Янгы-Шаромъ, Учъ-Турпанъ, Куча, Аксу, Яркендъ и Хотанъ. Въ послѣднее время, при настоящемъ уже правительствѣ, стали называть *Джеты-Шаромъ* (семиградье).

Восточный Туркестанъ лежитъ почти въ центрѣ азіатскаго материка и окруженъ съ трехъ сторонъ высочайшими въ мірѣ горными цѣпями: на сѣверѣ тянется снѣжный Тянь-Шань, который отдѣляетъ

(*) При чтеніи этой статьи можетъ служить пособіемъ „Карта Киргизской степи и Туркестанскаго военнаго округа“.

Восточный Туркестанъ отъ бывшей Илійской провинціи (часть Джунгаріи) и отъ русскихъ владѣній (Семирѣченской области); съ запада—Болоромъ, составляющимъ границу съ Коканомъ и Бадакшаномъ, съ юга—Куэнь-Лунемъ (Луковыя Горы), называемомъ также Нань-Шань, который служитъ границею съ Кашмиромъ и Тибетомъ. Съ восточной же стороны онъ примыкаетъ къ провинціи Гань-су и не прикрытъ никакимъ естественнымъ рубежомъ. Мѣстность вообще представляетъ видъ частію холмистой (на западѣ и сѣверѣ), частію совершенно плоской равнины, постепенно сливающейся съ обширною монгольской степью Шамо или Гоби. Почва, преимущественно глинисто-песчаная, орошается множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, вытекающихъ изъ окружающихъ горъ и составляющихъ систему рѣки Тарима, которая течетъ на востокъ и впадаетъ въ озеро Лобъ-Норъ. Это единственная судоходная рѣка Восточнаго Туркестана, дающая жизнь всему краю.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ горныхъ цѣпей наиболѣе для насъ важенъ Тянь-Шанскій хребетъ, такъ какъ онъ на значительномъ своемъ протяженіи служитъ нашею границею. Восточная его половина, находящаяся въ предѣлахъ Китая, мало извѣстна. То же можно было сказать, еще очень недавно, и объ остальной его части; но въ послѣднія десять лѣтъ, благодаря трудамъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ и изслѣдователей, посѣтившихъ Тянь-Шань, преимущественно центральную его часть, эта половина, со всею прилегающею мѣстностью, сдѣлалась доступна для изученія (*).

По общему свидѣтельству очевидцевъ, Тянь-Шань не представляетъ одной цѣпи: это есть цѣлая горная система, тянущаяся съ запада на востокъ широкою полосою, въ видѣ хребтовъ, прорѣзанныхъ въ многихъ мѣстахъ поперечными долинами. Достигнувъ центральною своею частью нашихъ предѣловъ, близъ озера Иссыкъ-Куля (что означаетъ теплое озеро), Тянь-Шань развѣтвляется: сѣверная вѣтвь, сохраняя прежнее направленіе на западъ, огибаетъ кругомъ озеро Иссыкъ-Куль и, распадаясь на нѣсколько связанныхъ между собою частныхъ хребтовъ, наполняетъ отрогами своими весь Зачуйскій и Заилійскій края. Другая, южная вѣтвь Тянь-Шаня, имѣетъ тотъ же характеръ и тянется въ юго-западномъ направленіи подъ различными мѣстными названіями, какъ-

(*) Въ числѣ первыхъ изслѣдователей, познакомившихъ насъ съ Тянь-Шанемъ были: П. П. Семеновъ, Валихановъ, Голубевъ, М. И. Венюковъ, А. П. Проценко и Н. В. Сѣверцовъ; затѣмъ въ 1867 г. В. А. Полторацкій, а въ минувшемъ году Буныковский. Последний произвелъ барометрическое измѣреніе многихъ высотъ.

то: Ташъ-Рабата, Теректы-Давана, Кашгаръ-Давана и пр. Войдя въ коканскія владѣнія, эта вѣтвь связывается съ болорскою системою. Между обѣими вѣтвями протекаетъ рѣка Нарынъ (верховья Сыръ-Дарьи), которая беретъ начало нѣсколько южнѣе восточнаго конца Иссыкъ-Куля и течетъ то въ широкой, то въ узкой долинѣ, прорываясь чрезъ тѣсныя ущелья.

Тянь-Шань принадлежитъ къ высочайшимъ горамъ: средняя высота гребня главныхъ хребтовъ имѣетъ отъ 10,000 до 12,000 футовъ надъ поверхностью моря; на этой же высотѣ находятся и многіе перевалы. Наиболѣе дика и сурова центральная его часть, въ хребтѣ, извѣстномъ подъ именемъ Мусарта или Мусъ-тага (ледяныя горы). Здѣсь, между меридіаномъ Мусартскаго прохода и восточною оконечностію Иссыкъ-Куля, слѣдовательно, болѣею частію въ нашихъ предѣлахъ, нагромождена цѣлая группа покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ высотъ, достигающихъ 17,000—18,000 фут.

Въ одной изъ группъ, называемой Ханъ-Тенгри, возвышается довольно правильнымъ конусомъ пикъ того же имени, достигающій, по свидѣтельству однихъ, 22,000 фут., по другимъ даже 24,000 фут. надъ уровнемъ моря.

Сѣверные склоны Мусарта покрыты громадными ледниками, которые даютъ начало множеству рѣчекъ, принадлежащихъ, съ одной стороны, къ системѣ рѣки Или, впадающей въ озеро Балхашъ, съ другой къ бассейну водъ Восточнаго Туркестана (рѣки Таримъ съ притоками). Рѣчки эти, прорѣзывая встрѣчные хребты, текутъ въ узкихъ долинахъ, образуя ущелья, часто трудно-доступныя.

Дорогъ и переваловъ, ведущихъ чрезъ Тянь-Шань, существуетъ множество; но всѣ они, по вышесказанной причинѣ, проходимы съ трудомъ и не во всякое время года; притомъ, по каждому пути приходится переваливать чрезъ нѣсколько хребтовъ, и очень часто случается, что караваны, избравши какой-нибудь путь, принуждены, вслѣдствіе внезапно выпавшаго снѣга, или дождя, или иной причины, сворачивать на другой, болѣе кружный путь. Наиболѣе доступныя перевалы находятся въ нашихъ предѣлахъ, въ окрестности озера Иссыкъ-Куля; изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: Кызартскій, Улахольскій, Баретъ-Коунскій и Заукинскій; всѣ четыре лежатъ въ хребтѣ Кыргызнымъ-Алатау, огибающемъ озеро Иссыкъ-Куль съ юга. Далѣе, къ востоку отъ этого озера, извѣстны перевалы Тургенъ-Аксу, Чонъ-Капкакъ и Мусартъ; послѣдній находится уже внѣ нашихъ предѣловъ (въ 40 верстахъ отъ границы) и служитъ кратчайшимъ путемъ сообщенія г. Кульджи съ Аксу и другими городами

Джеты-Шара. Мусартскій проходъ былъ посѣщенъ полковникомъ Полторацкимъ въ маѣ 1867 года и найденъ имъ хотя и труднымъ, но не въ такой степени, какъ предполагали прежде; тѣмъ не менѣе, караваны предпочитаютъ ему другіе проходы; этотъ же путь служилъ китайцамъ преимущественно путемъ административнымъ. Изъ Кашгара въ Китай ведетъ только одна хорошо устроенная дорога; она пролегаетъ у подошвы южныхъ отроговъ Тянь-Шаня чрезъ большіе города: Аксу-Буча, Карашаръ, Турфанъ, Хами и далѣе, чрезъ степь Гоби, къ западнымъ воротамъ китайской стѣны.

Въ политическомъ отношеніи, до послѣдняго переворота, совершившагося въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ западныхъ китайскихъ провинціяхъ, Кашгарія, вмѣстѣ съ ними, входила въ составъ Поднебесной Имперіи и управлялась цзянь-цзюнемъ или генералъ-губернаторомъ, который имѣлъ мѣстопробываніе въ Кульджѣ. Цзянь-Цзюню непосредственно подчинялись амбани, или военные губернаторы, завѣдывавшіе какъ военною, такъ и гражданскою частями въ каждомъ округѣ Алтышара.

Этимъ, впрочемъ, и ограничивалась власть манджуровъ; все внутреннее управленіе находилось въ рукахъ самихъ туземцевъ.

Въ настоящее время Кашгарія представляетъ независимое владѣніе, подъ верховнымъ господствомъ Якубъ-бека, коканскаго выходца, бывшаго нѣкогда комендантомъ Акъ-Мечети, что нынѣ фортъ Перовскій. Чтобы понять, какимъ образомъ удалось Якубъ-беку захватить власть въ свои руки, слѣдуетъ обратиться нѣсколько назадъ, къ исторіи Восточнаго Туркестана.

Извѣстно, что съ XIV вѣка Кашгаріей управляли ходжи, считавшіеся потомками Магомеда. При нихъ въ Кашгаріи возникло мусульманство, нынѣ господствующая религія туземцевъ. Съ теченіемъ времени, ходжи раздѣлились на партіи; въ странѣ возникли внутренніе междоусобія, которыя привели къ тому, что Кашгарія въ концѣ XVII вѣка была покорена своими сѣверными сосѣдями, джунгарами (калмыки), составлявшими въ то время могущественное Ойратское царство, на огромномъ пространствѣ территоріи нынѣшней Джунгаріи и части киргизской степи. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, калмыки, или ойраты, въ свою очередь, были завоеваны китайцами, которые, вслѣдъ за тѣмъ (1758 г.), покорили и Восточный Туркестанъ, съ тѣхъ поръ ставшій называться китайскимъ.

Представители прежней династіи ходжей нашли себѣ убѣжище

въ Коканѣ, куда они удалились со многими своими приверженцами. Китайское правительство вообще было ненавидимо туземцами; этимъ обстоятельствомъ пользовались ходжи и неоднократно возбуждали жителей Кашгаріи къ возстаніямъ противъ манджуровъ (*). Въ возстаніяхъ коканцы принимали самое дѣятельное участіе, и хотя возстанія были всякій разъ подавляемы, тѣмъ не менѣе они принесли много выгодъ собственно для коканцевъ, съ которыми въ тридцатыхъ годахъ заключенъ былъ договоръ. По этому договору коканцы обязались не выпускать изъ своихъ предѣловъ ходжей, за что китайцы предоставили коканскому хану собирать пошлину съ иностранныхъ купцовъ въ Кашгаріи, въ видѣ дани. Въ послѣднее время коканцы пользовались тамъ совершенно свободной торговлей, получили почти одинаковыя права съ туземными жителями и имѣли своего консула (аксакала) въ Кашгарѣ.

Среди такого положенія дѣлъ, въ 1864 году, на западѣ Китайской Имперіи вспыхнуло возстаніе тунгней или дунганей (мусульманскихъ племенъ), имѣвшее, какъ извѣстно, своимъ послѣдствіемъ изгнаніе манджурскихъ властей и общее разореніе того края. Кашгарцы не замедлили воспользоваться благоприятными обстоятельствами и присоединились къ возстанію, причемъ одному изъ представителей дома ходжей, Бузрукъ-хану, удалось, при помощи коканскаго войска, одолѣть другихъ претендентовъ изъ того же дома и утвердиться въ Кашгаріи. Начальникомъ этого коканскаго войска и былъ Якубъ-бекъ. Бузрукъ-ханъ, человекъ слабый и развратный, совершенно подчинился вліянію Якубъ-бека, который, недолго думая, отстранилъ своего повелителя и самъ сдѣлался владыкою всей страны. По имѣющимся извѣстіямъ, Якубъ-бекъ уже показалъ себя сильнымъ и предприимчивымъ властителемъ, сумѣлъ снискать довѣріе своихъ подданныхъ и, какъ говорятъ, покровительствуетъ торговлѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Кашгаріи, когда прибылъ туда нашъ посланный, г. Рейнталя.

Приступая къ описанію путешествія г. Рейнталя, считаемъ нужнымъ предварительно замѣтить, что хотя по пекинскому трактату (1860 г.) мы и имѣли право содержать консула въ Кашгарѣ, но не могли воспользоваться этимъ правомъ по многимъ причинамъ. Главнѣйшія изъ нихъ были: 1) смуты въ самой Кашгаріи, и 2) граница наша по главному хребту Тянь-Шаня оставалась фактически неза-

(*) Въ теченіе нынѣшняго столѣтія четыре раза, именно въ 1825, 1829, 1847 и 1857 годахъ.

нятою до минувшаго 1868 года, а лишь охранялась войсками, расположенными въ долину р. Чу и около озера Иссык-Куля; слѣдовательно, полного ручательства въ безопасности каравановъ быть не могло. Съ тѣхъ поръ, какъ выше изложено, обстоятельства измѣнились: на мѣстѣ дружественнаго намъ правительства, въ Кашгарѣ успѣло утвердиться новое, фанатическое, замкнутое и, повидимому, враждебное намъ правительство. Желая однако испытать возможность открытія торговыхъ сношеній, извѣстный своею предприимчивостію купецъ Хлудовъ, по предложенію мѣстнаго начальства, рѣшился отправить въ прошедшемъ году два каравана въ Кашгаръ; одинъ изъ нихъ, шедшій чрезъ Коканъ, благополучно достигъ Кашгара, но былъ лишенъ права свободной торговли; другой же караванъ, отправившійся изъ Вѣрнаго на Аксу, на кашгарской границѣ встрѣченъ былъ выстрѣлами (*). Это обстоятельство ясно показало необходимость усиленія нашего вліянія въ Кашгарѣ и обезпеченія, на будущее время, русской торговли въ городахъ Джеты-Шара. Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ въ этомъ направленіи, были: устройство на р. Нарынѣ постоянного моста, подъ прикрытіемъ укрѣпленія, и командированіе въ Кашгаръ нашего офицера для разъясненія взаимныхъ отношеній, о чемъ Якубъ-бекъ былъ заранее извѣщенъ письменно чрезъ начальника отряда, возводившаго укрѣпленіе на р. Нарынѣ. Укрѣпленіе расположено на лѣвомъ берегу рѣки, среди кочевьевъ кара-киргизовъ (почему-то въ географіи называемыхъ диго-каменными), рода Сары-Багышъ, до сихъ поръ признававшихъ нашу власть лишь номинально, какъ равно и другой ихъ родъ, бугу, кочующій восточнѣе; нынѣ же эта мѣстность вошла въ составъ одной изъ волостей Иссык-Кульского уѣзда, Семирѣченской области. Разстояніе отъ Нарынскаго укрѣпленія до Кашгара по пути, пройденному Рейнталемъ, можно считать около 200 верстъ, которыя онъ прошелъ въ восемь дней съ 11-го по 19-е октября. Общее направленіе пути SSW.

Отправившись 11-го октября изъ нарынскаго отряда съ девятью казаками, штабсъ-капитанъ Рейнталь въ тотъ же день безъ труда перевалилъ небольшой хребетъ, Акъ-чеку, идущій между р. Нарыномъ и лѣвымъ ея притокомъ Атъ-пашею, и вступилъ въ долину этой послѣдней, которую пересѣкъ уже на слѣдующій день въ перпендикулярномъ направленіи, противъ впаденія въ нее съ юга горной рѣчки Бо-

(*) Впослѣдствіи оказалось, что причиною этого былъ ложный слухъ, пущенный киргизами: будто бы, подъ видомъ купеческаго каравана, идетъ въ Кашгаръ военный отрядъ.

гушты. Рѣка Атъ-паша большую часть своего протяженія течетъ почти параллельно Нарыну и потомъ, круто заворачивъ на сѣверъ, впадаетъ въ Нарынъ гораздо ниже укрѣпленія. Лѣвый ея берегъ крутъ, а правый, чѣмъ ниже по теченію, тѣмъ отложе, такъ что долина представляетъ видъ трехугольной площади, орошаемой многими текущими въ Атъ-пашу рѣчками. Здѣсь имѣется хорошій и обильный подножный кормъ, а недалеко, въ ущельяхъ горъ, лѣсъ. За Атъ-пашею дорога направилась вверхъ по теченію Богушты, слѣдуя вдоль крутого и утесистаго лѣваго ея берега, покрытаго тальникомъ и ельникомъ; правый ея берегъ также крутъ и утесистъ. Въ этотъ день шелъ снѣгъ, при 1½° Реомюра, и дорога становилась болѣе и болѣе затруднительнѣе, особенно для вьючныхъ лошадей. Поднимаясь по Богуштѣ, г. Рейнталь видѣлъ на противоположномъ ея берегу большія стада архаровъ, такъ называемыхъ, горныхъ барановъ (*). На слѣдующій день (13-го октября) предстояло перевалить чрезъ главный хребетъ (Ташъ-Рабатъ), составляющій здѣсь водораздѣлъ между Нарыномъ и Аксаемъ. Рѣка Аксай принадлежитъ къ системѣ водъ Восточнаго Туркестана; она беретъ начало въ окрестностяхъ альпійскаго озера Чатыръ-Куля, течетъ далѣе на востокъ, уже подъ именемъ Кокшала, и, по соединеніи съ р. Аксу, впадаетъ въ Таримъ.

Перевалъ Богушты, независимо крутости подъема, представлялъ особенныя трудности, вслѣдствіе выпавшаго наканунѣ снѣга. У самаго подъема снѣгъ былъ такъ глубокъ, что, по словамъ Рейнтала, сначала нужно было людямъ, ложась на снѣгъ, собственнымъ тѣломъ утаптывать его, и уже потомъ проводить по умятому мѣсту лошадей безъ вьюковъ, а затѣмъ прогонять вьючныхъ лошадей.

На сколько перевалъ былъ труденъ, можно судить по тому, что, для перехода пространства во 100 сажень, передъ переваломъ пришлось употребить два часа времени. Спускъ къ югу былъ не менѣе тяжелъ, такъ что въ тотъ день пройдено было не болѣе 10—12 верстъ. За переваломъ, спустившись внизъ по скалистому берегу южной Богушты, дорога вскорѣ отклонилась на юго-западъ и пошла по сравнительно-ровной мѣстности долины Аксай, возможной даже для ѣзды въ колесныхъ экипажахъ; затѣмъ, перейдя Аксай, она выходитъ на р. Теректы, впадающую въ Аксай съ юга, и идетъ вверхъ по этой рѣкѣ, постепенно поднимаясь къ перевалу чрезъ Теректинскій

(*) Эти бараны вообще крупнаго сложенія, ростомъ съ добраго теленка; шерсть у нихъ прямая, желтоватаго цвѣта. Кто былъ на туркестанской выставкѣ, тотъ можетъ составить себѣ вѣрное понятіе объ этихъ животныхъ по одному экземпляру — „аргайли“.

хребетъ, который, составляя восточное продолженіе Теректы—Давана, замыкаетъ долину Аксая съ юга. Руслѣ Аксая, какъ и Теректы при ея впаденіи, шириною около версты, но воды въ нихъ, во время перехода Рейнталѣ, почти не было: она вся вымерзла. Долина Теректы довольно широка, отъ двухъ до трехъ верстъ, и покрыта богатою травой; топлива же вовсе не имѣется. Тутъ, по рѣкѣ Теректы, обыкновенно выставляются кашгарцами наблюдательные пикеты. Приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ лѣтомъ находился первый кашгарскій постъ, вожакъ, киргизъ Тума—разсказываетъ Рейнталѣ—сталъ обнаруживать нѣкоторое безпокойство; онъ безпрестанно переѣзжалъ отъ одного казака къ другому и говорилъ, что «намъ жить остается недолго». Это состояніе вожака объясняется тѣмъ, что онъ уже былъ недавно у Якубъ—бека, которому привозилъ письма изъ отряда и, вѣроятно, порядкомъ напуганъ, такъ что одно воспоминаніе приводило Туму въ ужасъ. Подозвавъ къ себѣ вожака, Рейнталѣ выслушалъ разсказъ его о томъ, какъ принялъ его Якубъ—бекъ. Приводимъ подлинный текстъ Рейнталѣ. «Якубъ—бекъ спросилъ Туму:—Зачѣмъ онъ служить русскимъ? Тума отвѣчалъ, что, по волѣ Бога, волость, къ которой онъ принадлежитъ, поступила въ подданство Россіи.—«А знаешь—ли ты, что я сниму съ тебя голову», сказалъ на это Якубъ—бекъ.—«Ваша воля», отвѣтилъ Тума. Смягченный такою покорностью, Якубъ—бекъ высказалъ Тумѣ свою ненависть къ русскимъ, ругалъ ихъ и говорилъ, между прочимъ, что если бы не онъ, Якубъ—бекъ, то русскіе до сихъ поръ были бы народомъ необразованнымъ, такъ какъ все наше позаимствовано (будто бы) у него.

Миновавши первый пикетъ, который, надо думать, былъ не весьма бдителенъ, ибо не замѣтилъ нашихъ всадниковъ, они встрѣтили коканца. Узнавъ, что онъ родомъ изъ Анджана (*), Рейнталѣ спросилъ его о здоровьѣ Худояра—хана, на что коканецъ отвѣчалъ грубо: «Какое мнѣ дѣло до него, я служу здѣсь у Якубъ—бека». Вскорѣ затѣмъ выѣхали на встрѣчу нашего офицера еще шесть человѣкъ, при одномъ джузъ—башѣ (чиновникъ у Якубъ—бека); у всѣхъ были хорошіе аргамакъ съ сѣдлами и фитильныя ружья, одинаковаго образца. Джузъ—баша встрѣтилъ ласково Рейнталѣ, подаль ему руку, спросилъ о здоровьѣ и предложилъ ѣхать съ нимъ впередъ, чтобы скорѣе добраться до ночлега. Дорогой онъ распрашивалъ о цѣли поѣздки въ Кашгаръ и о Шади—мирзѣ (**), на что нашъ офицеръ

(*) Большой городъ въ Коканскомъ ханствѣ.

(**) Шади—Марза былъ отправленъ къ намъ чрезъ г. Вѣрный, подъ видомъ частнаго лица, имѣвшаго дѣла въ Ташкентѣ, съ письмами отъ Якубъ—бека.

отвѣчалъ, какъ и слѣдовало, уклончиво, высказавъ только, что онъ везетъ отъ высшаго начальства письма Якубъ—беку и обязанъ ему лично сообщить о Шади—мирзѣ, который отправился въ Петербургъ (*). По приходѣ на ночлегъ, у втораго пикета, джузъ—баша прислалъ нашему офицеру нѣсколько подносовъ съ фруктами, лепешками и холоднымъ мясомъ. На утро же съ пикета принесли чай и завтракъ въ такомъ количествѣ, что всѣ девять человѣкъ были сыты. Весь остальной путь былъ совершенъ уже въ сопровожденіи джузъ—баши, который все время говорилъ безъ умолку, былъ чрезвычайно любезенъ и предупредителенъ, особенно когда ему сказали, что и для него есть подарокъ. «Однажды я уронилъ нечаянно спичечницу», говоритъ Рейнталѣ; джузъ—баша слѣзъ съ лошади, поднялъ спичечницу и подаль ее мнѣ съ величайшимъ почтеніемъ; притомъ всякій разъ, когда я слѣзалъ съ лошади, онъ принималъ ее отъ меня и потомъ помогалъ снова садиться».

Подъемъ на теректинскій перевалъ совершенно незамѣтенъ; спускъ же нѣсколько крутъ и усыпанъ камнями. Вдоль спуска, въ глубокѣмъ ущельѣ, течетъ р. Джалтантасъ; по выходѣ ея изъ ущелья въ долину, вдоль ея виднѣются пашни, разведенныя арыками, и тутъ же показываются первыя, послѣ Богушты, деревья—осина и колючка. Вообще мѣстность къ югу отъ перевала представляетъ видъ болѣе оживленный, доказывающій присутствіе людей. На Джалтантасѣ расположенъ передовой караулъ: два кургана построены на вершинѣ двухъ скалъ, образующихъ начало ущелья, по которому идетъ кратчайшая дорога въ Кашгаръ. Курганы эти сложены изъ глины; стѣны зубчатая и такой ширины, что на нихъ можно сидѣть, поджавши ноги. Для артилерійскихъ выстрѣловъ снизу они недосыгаемы, а сами удобно обстрѣливаютъ перевалъ, соединяющій обѣ скалы, и чрезъ который пролегаетъ дорога. Когда наши проходили мимо, гарнизонъ, въ числѣ до ста человѣкъ, съ ружьями въ рукахъ, размѣщенъ былъ на курганахъ. Здѣсь содержались четыре человѣка нашихъ киргизовъ—почтарей, посланныхъ съ письмами въ Кашгаръ изъ нарынскаго отряда. Отъ почтарей этихъ письма были отобраны и отправлены къ Якубъ—беку; они жаловались, что у нихъ отобрали лошадей, содержали дурно и не позволяли ничего покупать. Когда Рейнталѣ выразилъ джузъ—башѣ желаніе взять съ собою двухъ изъ почтарей, онъ уклонился отъ исполненія просьбы, ссылаясь, на то, что почтарами можетъ распоряжаться только одинъ Якубъ—бекъ (!).

Отъ Джалтантаса дорога идетъ ущельемъ, которое тянется около

(*) Шади—Мирза дѣйствительно нѣкоторое время находился въ Петербургѣ.

пяти верстѣ, затѣмъ пересѣкаетъ нѣсколько ручьевъ и рѣку Музарла-Булакъ, подходит къ рѣкѣ Артышъ, на которомъ расположенъ пикетъ Иссыкъ-Караулъ, построенный еще китайцами и называвшійся тогда Терекъ-Караулъ. Иссыкъ-Караулъ охраняется 10—15 престарѣлыми и, кажется, совершенно равнодушными къ службѣ солдатами изъ китайцевъ. Это можно было заключить изъ того, что люди эти преспокойно продолжали лежать у воротъ кургана, когда наши проходили мимо него. Горы здѣсь замѣтно понижаются; грунтъ земли, сначала каменистый, постепенно переходитъ въ глинистый. Рѣка Артышъ, пересѣкая дорогу, течетъ въ юго-восточномъ направленіи и впадаетъ въ Кумырлыкъ-Дарью (*), ниже Кашгара. Вдоль рѣки тянутся широкой полосой пашни, прорѣзанныя многими арыками; тутъ растутъ осина, тальникъ, джидда и инжиръ. Самое селеніе Артышъ представляетъ видъ разбросанныхъ на значительномъ разстояніи и едва замѣтныхъ глиняныхъ мазанокъ, прилѣпленныхъ къ заборамъ. Перейдя на правую сторону рѣки, дорога скоро раздѣляется на двѣ: одна идетъ прямо чрезъ гору, а другая заворачиваетъ низомъ и выходитъ на государственную дорогу съ юго-восточной стороны.

Послѣдній ночлегъ, съ 18-го на 19-е октября, былъ сдѣланъ нашими въ маленькомъ домикѣ, у молельни. Отсюда, собственно, и начинается уже городъ, но до крѣпости, въ которой живетъ Якубъ-бекъ, оставалось около 15 верстѣ.

Городъ Кашгаръ имѣетъ характеръ всѣхъ вообще средне-азиатскихъ городовъ: постройки всѣ глиняныя, соединены такими же заборами и весьма разбросаны; улицы и переулки кривы, тѣсны и перерѣзаны арыками; дома одноэтажны, съ плоскими крышами и окнами, обращенными внутрь дворовъ; вдоль улицъ растутъ деревья и почти у каждого дома свой садъ. За мѣстами, болѣе людными, слѣдуютъ пашни, что-то въ родѣ площадей, со взрытою поверхностью, базары и опять жилия постройки. На одной изъ такихъ площадей, почти совершенно пустой, находилась висѣлица о двухъ петляхъ, и въ то время, когда проходилъ чрезъ эту площадку Рейнталь, висѣлъ человекъ, вѣроятно, для назиданія жителей. Среди города, во многихъ мѣстахъ находятся курганы съ зубчатыми стѣнами, вооруженными пушками, въ родѣ отдѣльныхъ фортовъ, съ казармами для гарнизона; изъ нѣкоторыхъ слышалась музыка и у воротъ сидѣли солдаты съ ружьями, въ красныхъ халатахъ и мѣховыхъ шапкахъ. На базарахъ толпился народъ.

(*) Вѣроятно, это Кашгаръ-Дарья.

Вообще, сколько можно судить по описанію Рейнталя, городъ представлялъ видъ не всеневный: кашгарскія власти распорядились такъ, чтобы произвести поражающее впечатлѣніе на нашего офицера и внушить ему мысль о силѣ и могуществѣ, которыми обладаетъ нынѣшній ихъ властелинъ.

Крѣпость, или цитадель, въ которой живетъ Якубъ-бекъ, называется Джанга-Шаръ и по наружному своему виду не отличается отъ прочихъ кургановъ. Возлѣ крѣпости есть пикетный дворъ, а рядомъ съ нимъ другой, обнесенный съ трехъ сторонъ глиняными стѣнами, съ четвертой камышевой. Внутри этого послѣдняго двора, имѣющаго около 175 кв. саженъ, помѣщенъ былъ, въ особой юртѣ, нашъ посланный, а для сопровождавшаго его конвоя раскинуты были тутъ же двѣ палатки.

По прибытіи въ городъ, 19-го октября, Рейнталь въ тотъ же день имѣлъ аудіенцію у Якубъ-бека. У воротъ крѣпости онъ долженъ былъ слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ. По обѣимъ сторонамъ улицы, представлявшей сплошной рядъ лавокъ, сидѣли вооруженные люди. Свернувъ вправо, нужно было пройти чрезъ два большіе двора; изъ нихъ въ одномъ также сидѣли солдаты съ ружьями, дула которыхъ обращены были въ ту сторону, откуда шелъ нашъ офицеръ, а другой дворъ былъ загроможденъ пушками. Изъ этого двора Рейнталь сошелъ въ третій, образованный окружающими его постройками, которые и составляютъ собственно жилище Якубъ-Бека. У дверей, ведущихъ въ постройки, сидѣли, должно быть, почетные люди, также съ ружьями.

Якубъ-бекъ ожидалъ нашего офицера въ комнатѣ одного изъ окружавшихъ домовъ, сидя на полу. При входѣ Рейнталя, онъ подаль ему руку и указалъ мѣсто у двери, также на полу, шагахъ въ восьми отъ себя. Послѣ обычныхъ привѣтствій, вручивъ Якубъ-беку письма и подарки отъ военнаго губернатора, Рейнталь передалъ также письмо отъ Шади-мирзы, сказавъ, что Шади-мирза совершенно здоровъ и отправился, по приглашенію генераль-губернатора, въ Петербургъ. Якубъ-бекъ выразилъ, съ своей стороны, благодарность и желаніе поддержать дружбу съ Россіей, въ доказательство чего привелъ, что онъ 1) задержалъ двухъ киргизскихъ грабителей Османа и Койчу; 2) возвратилъ намъ взятыхъ ими плѣнныхъ; 3) не принялъ къ себѣ Умбета-Али (*), когда онъ искалъ защиты и по-

(*) Умбетъ-Али—манапъ (старшина) нѣсколькихъ волостей, отложившихся отъ насъ.

кровительства; 4) допустилъ въ Кашгаръ русскій караванъ, и, наконецъ, 5) принялъ его, Рейнтала, съ почетомъ.

Далѣе, въ разговорахъ съ нашимъ посланнымъ, Якубъ-бекъ показалъ себя хитрымъ и лукавымъ человекомъ, вполне достойнымъ названія средне-азіатскаго деспота. Онъ, между прочимъ, высказалъ, что нахождение Шади-мирзы въ Россіи не имѣетъ ничего общаго съ посольствомъ нашего офицера; что Шади-мирза отпросился у него въ Ташкентъ повидаться съ генераль-губернаторомъ и, что, какъ онъ тамъ живетъ, ему, Якубъ-беку, никакого дѣла нѣтъ. Здѣсь надо замѣтить, что незадолго до этого, въ письмѣ своемъ къ Семирѣченскому военному губернатору, Якубъ-бекъ выражалъ безпокойство о Шади-мирзѣ. Затѣмъ онъ сказалъ, что «сознаетъ свое ничтожество передъ особой великаго государя нашего, и потому ничего худаго противъ Россіи не предпринимаетъ, и если бы русскій императоръ захотѣлъ взять Кашгаръ, то онъ, Якубъ-бекъ, отдалъ бы его, можетъ быть, безъ боя (!)». Въ другой же рѣчи, на эту тему, онъ сказалъ: «Богъ далъ мнѣ въ управленіе эту землю; Онъ же ее и можетъ взять, а потому, если русскіе придутъ къ намъ, то мы будемъ защищаться такъ долго, какъ будетъ угодно Богу. Если Богу угодно, чтобы народъ мой подпалъ подъ власть русскихъ, то мы будемъ ваши, а если Богу угодно будетъ, чтобы я покорилъ народъ русскій, то вы будете мои». На прощанье нашему офицеру подали чашку чаю и поднесли халатъ, который онъ долженъ былъ, уходя, накинуть на себя, чтобы показать народу, что аудіенція кончилась благополучно (*). Получивъ отъ Якубъ-бека обѣщаніе чрезъ два дня снова увидѣться, Рейнталь возвратился въ курганъ, въ приготовленную для него юрту. Несмотря, однако, на такое обѣщаніе, Якубъ-бекъ не звалъ его до самаго выѣзда изъ Кашгара (30-го октября), причемъ, во все это время, онъ почти лишенъ былъ свободы. На всѣ просьбы нашего офицера, какъ-то: допустить къ нему, находившагося тогда въ Кашгарѣ съ караваномъ, повѣреннаго купца Хлудова, Кривошеина, проводить конвойныхъ казаковъ на базаръ для покупки и отправить донесеніе къ военному губернатору, полученъ былъ отказъ, безъ объясненія причинъ. Въ курганъ, гдѣ помѣщался Рейнталь, никого не пускали, кромѣ лицъ официальныхъ, въ числѣ которыхъ были двое говорившіе по-русски; эти люди приходили каждый день справляться о его здоровьѣ, и чтобы вывѣдать отъ него кое-что. Темой разговора обыкновенно служили распросы о нашихъ

(*) Халатъ сдѣланъ изъ рѣдкой шелковой матеріи и оцѣненъ въ Вѣрномъ въ 8 рублей.

видахъ на Среднюю Азію и, особенно, на Кашгарію; такъ, напримѣръ, однажды они спрашивали: какіе города теперь будутъ брать русскіе? Когда имъ отвѣтили, что владѣнія нашего государя такъ велики, что нѣтъ никакой надобности въ новыхъ приобрѣтеніяхъ, они воскликнули: «а Коканъ? На это Рейнталь отвѣчалъ, что, напротивъ, съ Худояръ-ханомъ у насъ большая дружба. На сколько надо быть осторожнымъ въ своихъ разговорахъ съ азіатцами, можно заключить изъ того, что вечеромъ, послѣ упомянутаго разговора, явилось, въ юрту нашего офицера, новое лицо, объявившее, какъ бы по заказу, «что Якубъ-бекъ не боится Худояръ-хана, и что послѣдній ничего не стоитъ въ сравненіи съ Якубъ-бекомъ».

Съ другой стороны, приставленный къ нашему офицеру джузъ-баша добивался узнать какія намѣренія имѣетъ Россія относительно Кашгара. Отвѣтъ, разумѣется, не могъ быть иной, какъ увѣреніе жить въ постоянной дружбѣ; но при этомъ было замѣчено, что такъ какъ кашгарская земля отнята у китайцевъ, то намъ нѣтъ никакого расчета брать Кашгаръ для того, чтобы снова передать китайцамъ. Это замѣчаніе очень понравилось джузъ-башѣ, и онъ выразилъ нѣсколько разъ свое удовольствіе восклицаніемъ: «кулдукъ!»

Въ свою очередь, Рейнталь спрашивалъ приходившихъ къ нему чиновниковъ, сартовъ, и джузъ-башу о томъ, какъ началось послѣднее возстаніе въ Кашгарѣ и изъ чего оно произошло. Чиновники, которые, должно быть, были коканцы, объяснили это такимъ образомъ: «мы жили въ городѣ и подчинялись своему начальнику, назначенному коканскимъ ханомъ, а китайцы (манджуры) жили въ крѣпости и управлялись цзянь-цзюнемъ. Сначала мы жили дружно съ китайцами и пользовались свободой, а тамъ, когда насъ стало много, мы стали ихъ въ свою вѣру звать (*). Къ намъ пришелъ Якубъ-бекъ на помощь съ войскомъ; насъ стало 10,000, вотъ мы и перерѣзали китайцевъ». Затѣмъ эти же сарты объяснили причину, почему, вообще, русскимъ въ Кашгарѣ дѣлаютъ стѣсненія. «Вашъ законъ—говорили они—даетъ свободу сартамъ, живущимъ у васъ, а нашъ стѣсняетъ иностранцевъ, потому что мы видимъ къ чему привела свобода, данная намъ въ Кашгарѣ китайцами.»

Только лишь на пятый день пребыванія Рейнтала въ Кашгарѣ (вѣрнѣе сказать: заключенія, такъ какъ, по его собственному сознанию, положеніе его тамъ было невыносимо), допустили къ нему вечеромъ

(*) Известно, что сарты мусульмане, а китайцы (собственно манджуры) Конфуціева закона.

повѣреннаго купца Хлудова. Кривошеинъ явился въ юрту, въ сопровожденіи татарина-переводчика и одного сарта, который, какъ оказалось послѣ, занималъ должность государственнаго казначея. Въ присутствіи этихъ лицъ, Кривошеинъ говорилъ, что онъ очень счастливъ: аталыкъ (т. е. правитель) купилъ у него весь товаръ, и что онъ готовъ уже въ обратный путь. «Затѣмъ—говорить Рейнталь—Кривошеинъ высказалъ недовольство Якубъ-бека на меня за гордость и требовательность, которыя я будто бы обнаружилъ: во-первыхъ, сидѣлъ передъ Якубъ-бекомъ не такъ, какъ сидятъ сарты, т. е. не на пяткахъ, и вынималъ изъ кармана платокъ; во-вторыхъ, требовалъ къ себѣ для свиданія его, Кривошеина; въ-третьихъ, просилъ дозволенія казакамъ гулять по городу; въ-четвертыхъ, не успѣлъ и пожить, а уже хотѣлъ писать въ Вѣрное, и, въ-пятыхъ, хвалилъ Худояръ-хана. Кривошеинъ все время былъ какъ растерянный и отъ времени до времени восклицалъ: «пожалѣйте хоть насъ.... еще недавно Якубъ-бекъ убилъ своего сына». Напротивъ, когда сартъ и переводчикъ вышли, Кривошеинъ высказалъ, что его не допускали раньше, что онъ не пользуется свободой и ограбленъ. По его словамъ, Якубъ-бекъ взялъ у него 30 верблюдовъ по 60 р., тогда какъ за нихъ заплачено было по 75 р.; ситецъ заставили продавать по 16 к. за аршинъ, а наборъ шелку за ситецъ дѣлался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Якубъ-бека чрезвычайно медленно. Пошлина съ товара, однако, не была взята.

Такъ какъ время было позднее, то Кривошеину дозволено было остаться почевать въ юртѣ, у нашего офицера, а рано утромъ на зарѣ, увели его домой, не давши проститься. Болѣе онъ уже не являлся.

Сартъ, который приходилъ съ Кривошеиннымъ, послѣдніе дни очень часто навѣщалъ Рейнтала. Изъ разговора съ нимъ онъ узналъ, что причиною встрѣчи хлудовскаго каравана выстрѣлами на кашгарской границѣ было письмо къ Якубъ-беку отъ киргизскихъ манасовъ (старшинъ) Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, которые извѣщали, что въ Кашгаръ ѣдетъ русскій военный отрядъ, подъ видомъ купеческаго каравана. Государственный казначей хотя и обѣщавъ доставить это письмо, но не исполнилъ своего обѣщанія. Замѣчательно, что, почти при каждомъ свиданіи съ этимъ чиновникомъ, онъ просилъ Рейнтала представить своему начальству лестный отзывъ о Якубъ-бекѣ и о желаніи его жить въ дружбѣ съ русскими. То же заявилъ и татаринъ, переводчикъ при караванѣ Хлудова. Наконецъ, самъ Якубъ-бекъ, на прощальной аудіенціи, сказалъ, что «онъ просить не без-

поконить его только пять лѣтъ, которыя ему, будто бы, остается жить, общая и съ своей стороны не давая повода къ нарушенію дружбы, и что лучшимъ доказательствомъ его расположенія къ русскимъ служатъ старанія его угодить, по мѣрѣ силъ, нашему посланному».

Это послѣднее объясненіе, по замѣчанію Рейнтала, говорилось, вѣроятно, въ томъ вниманіи, что Якубъ-бекъ прислалъ въ подарокъ нѣкоторыя вещи, взамѣнъ тѣхъ, которыя Рейнталь просилъ купить на базарѣ. Рейнталу отвѣчали, что въ продажѣ тѣхъ вещей не находится, и что все это ему подарятъ. Въ свою очередь, Рейнталь долженъ былъ, по предложенію государственнаго казначея, подарить Якубъ-беку все, что у него было съ собою лучшаго, какъ-то: револьверъ, бинокль, часы съ будильникомъ, желѣзную кровать, скатерти, салфетки и другія мелкія вещи. Подарки же Якубъ-бека состояли въ аргамакѣ, кочирѣ, кутасѣ и трехъ коврахъ. Какъ видно, Якубъ-бекъ не остался въ накладѣ!

Въ продолженіе пребыванія своего въ Кашгарѣ, равно и во время слѣдованія туда и обратно, Рейнталь убѣдился, что мѣстные кашгарскіе сарты не совсѣмъ довольны Якубъ-бекомъ за особенное предпочтеніе имъ коканцевъ. Дѣйствительно, передовые пикеты Джалтантаса и Иссыкъ-Караула и люди, окружавшіе нашего офицера въ Кашгарѣ, были всѣ изъ коканцевъ; большая часть сотенныхъ начальниковъ въ войскѣ также коканцы. Одинъ сартъ, кашгарецъ, сопровождавшій до Вѣрнаго Шади-мирзу, при возвращеніи въ Кашгаръ, вмѣстѣ съ Рейнталемъ, не хотѣлъ идти ужинать къ коканцамъ и просилъ дозволенія у казаковъ поѣсть что-нибудь съ ними. Этотъ самый сартъ, при джузъ-башѣ, отказался подковать лошадей Рейнтала, а между тѣмъ тотчасъ же, потихоньку, отнесъ свои подковы нашему переводчику, объясняя свой отказъ опасеніемъ, что бы «подлый коканецъ» изъ его услуги не вывелъ чего дурнаго и не пожаловался бы Якубъ-беку.

Вообще, сколько можно было замѣтить—говорить Рейнталь—Якубъ-бекъ пользуется неограниченною властію въ своемъ владѣніи. Входя самъ во всѣ мелочи управленія, онъ цѣлые дни принимаетъ устно доклады и устно же дѣлаетъ распоряженія и утверждаетъ смертные приговоры. О судѣ и слѣдствіи и помину нѣтъ. За воровство, если только есть поводъ обвинить въ преступленіи, вѣшаютъ безъ всякаго разбирательства: петли на вислицѣ никогда не бываютъ свободны. Доносы занимаютъ видное мѣсто въ государственной администраціи. Все живущее въ Джеты-Шарѣ, равно и имущество каждаго,

есть въ то же время какъ бы собственность Якубъ-бека, которою онъ располагаетъ или для себя лично, или употребляетъ для государственнаго дѣла. Содержаніе нашего офицера считалось дѣломъ государственнымъ, а потому юрта, въ которой онъ проживалъ, кухня и сосѣдній пикетъ отапливались дровами, отбравшимися джузъ-башой на улицѣ отъ перваго встрѣчнаго возчика.

Войско Якубъ-бека состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ наемныхъ китайцевъ (разныхъ племенъ) и мѣстнаго кашгарскаго; коканцы же болѣею частію занимаютъ мѣста офицерскія и высшихъ начальниковъ. Китайскій солдатъ получаетъ жалованья въ мѣсяцъ до 8 кокановъ (*), на которые онъ долженъ кормиться, одѣваться и нанимать квартиру. Кашгарское же войско жалованья не получаетъ и содержится самимъ Якубъ-бекомъ, который, отъ времени до времени, награждаетъ служащихъ за заслуги деньгами и халатами на счетъ казны. Численность войскъ, находящихся въ Кашгарѣ, по словамъ одного китайца-солдата (который присланъ былъ къ Рейнталю, чтобы замѣнить новой матеріей тикъ у кровати, готовившейся въ подарокъ Якубъ-беку), простирается до 6,000 человѣкъ, въ томъ числѣ: китайцевъ 800 человѣкъ, сибиряковъ (калмыцкаго племени) 200, дунганъ 400, торгоутовъ (тоже калмыцкаго племени) 40, сарбазовъ и кавалеріи изъ сартовъ съ небольшимъ числомъ авганъ—4,000 чел. Надо впрочемъ замѣтить, что этотъ же китаецъ, въ письмѣ къ своимъ соплеменникамъ, салонамъ, проживающимъ на р. Или (въ кульджинской провинціи) дѣлаетъ нѣсколько иначе распредѣленіе войскъ; а именно: салоновъ 200 чел., китайскаго зеленаго знамени 1,000 чел., кашгарскаго коннаго мусульманскаго войска 4,000, и еще войска яфаганъ (по замѣчанію переводчика, пѣхоты) 1,000 чел. По словамъ же джузъ-башы, у нихъ 4,000 китайскихъ солдатъ, изъ которыхъ 2,000 чел. живутъ въ одной сторонѣ города, а другія 2,000 въ другой. Самъ Рейнталь опредѣляетъ численность войскъ въ Кашгарѣ никакъ не выше 6,000 чел.; судя же по числу ежедневно выходившихъ на ученье людей и видѣнныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ при вступленіи въ городъ, ихъ менѣе 6,000. Вышеупомянутый китаецъ-солдатъ говорилъ, что люди, бывшіе каждый день на ученьѣ, одни и тѣ же, но только они выходили съ разныхъ сторонъ. Еще прежде чѣмъ китаецъ сообщилъ это, казаки наши сами рѣшили, что люди, обучавшіеся ежедневно и выходившіе съ разныхъ сторонъ, одни и тѣ же, объясняя это поразительнымъ однообразіемъ, которое замѣчалось въ ученьѣ китайцевъ.

(*) Коканъ, по стоимости, равняется нашему другивенному.

Весьма интересны свѣдѣнія, приводимыя Рейнталемъ относительно тактическаго образованія войскъ, которое онъ имѣлъ возможность подробно изучить, наблюдая ежедневно производившееся передъ курганомъ обученіе войска, составленнаго изъ китайцевъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: «Первоначально—говоритъ Рейнталь—люди выстраиваются въ одношереножное каре, на двухъ углахъ котораго размѣщается артилерія (отъ 13 до 18 орудій). Орудія возятся на двухколесныхъ повозкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь или муломъ. $\frac{1}{5}$ часть людей пикинеры, прочіе съ крѣпостными ружьями, (на четырехъ по одному ружью). Когда заиграетъ музыка (барабанъ, флейта, рожки и пастуший рогъ), люди ближайшаго къ обучающему фаса обходятъ мѣрнымъ шагомъ боковые фасы и выстраиваются густыми колоннами, въ два человѣка, позади задняго фаса. Затѣмъ то же самое дѣлаютъ поочередно и прочіе фасы; тогда фронтъ представляетъ около 25 густыхъ колоннъ, въ два ряда, съ такими интервалами, чтобы можно было развернуться во фронтъ въ двѣ шеренги. Передніе ряды колоннъ составляютъ пикинеры, а слѣдующіе съ крѣпостными ружьями, которыя носятъ на плечахъ двухъ человѣкъ. Впереди нѣсколькихъ колоннъ стоитъ по одному человѣку съ краснымъ значкомъ; шагахъ въ 50 впереди ихъ еще нѣсколько людей со значками разныхъ цвѣтовъ; впереди этихъ послѣднихъ, въ одной верстѣ, находится обучающій генералъ со свитой и при немъ музыка. По сигналу, поданному значкомъ изъ свиты, принимаемому тотчасъ людьми со значками, стоящими впереди колоннъ, происходитъ слѣдующій маневръ: пикинеры выскакиваютъ съ визгомъ впередъ, наблюдая интервалы, останавливаются и колютъ пиками впередъ, издавая при этомъ что-то среднее между крикомъ и визгомъ. Такъ продолжается съ четверть часа. Затѣмъ флагъ возлѣ обучающаго опускается, и люди съ тѣмъ же визгомъ убѣгаютъ назадъ и выстраиваются за послѣдними рядами колоннъ. По новому сигналу значкомъ, начинается стрѣльба изъ первыхъ оставшихся рядовъ колоннъ, по порядку ихъ расположенія, или же залпомъ. Сдѣлавши выстрѣлъ, эти ряды убѣгаютъ назадъ и стрѣляютъ слѣдующіе; это продолжается до тѣхъ поръ, пока пикинеры снова не окажутся впереди. Затѣмъ, по значку, выстраивается развернутый фронтъ и потомъ снова переходятъ въ колонны. Артилерія во все время остается на флангахъ и стрѣляетъ только залпами, одновременно съ ружейной пальбой. По исполненіи такихъ эволюцій нѣсколько разъ, значки опускаются, музыка начинаетъ играть и люди перестраиваются опять въ каре. Тогда вызывается впередъ нѣсколько человѣкъ, которые

производить гимнастику и фехтованіе палками, что дѣлается ими очень ловко».

Подобная тактика, какъ видитъ читатель, говоритъ сама за себя и не требуетъ особыхъ коментарій.

Что касается обученія кашгарскаго войска изъ сартовъ, то оно происходило далеко отъ кургана, гдѣ находился Рейнталь, и потому подробностей нельзя было наблюдать. Тѣмъ не менѣе видно было, что войско это вооружено фитильными винтовками. Пѣхота (которой до 1,000 чел.) дѣлаетъ построенія въ родѣ нашихъ прежнихъ, маршируетъ тихимъ и скорымъ шагомъ; стрѣляетъ рядами, отдѣленіями и залпами. Изъ этого можно заключить, равно какъ и по сигналамъ, которые весьма сходны съ нашими, что подобнымъ обученіемъ мы обязаны нашимъ бѣглымъ солдатамъ изъ татаръ, что подтвердилъ и государственный казначей. Существованіе же англичанъ въ Кашгарѣ ничѣмъ не подтверждается, и даже слово «англичанинъ» тамъ неизвѣстно. Кашгарская артилерія возится на 4 лошадахъ, причемъ на каждой сидитъ ѣздовой; пѣшей же прислуги при каждомъ орудіи 2 человѣка. Кавалерія ѣздитъ толпою. По замѣчанію китайца, бывшаго въ курганѣ, китайское войско считается лучшимъ и, въ случаѣ войны, будетъ впереди.

Вообще замѣтно, что на военное образованіе въ Кашгарѣ обращено большое вниманіе, но совершенно упущено изъ виду самое существенное—обученіе стрѣльбѣ въ цѣль. Пороху дается безъ мѣры, а свинцу мало.

Въ обратный путь Рейнталь отправился 30-го октября, пробывъ такимъ образомъ въ Кашгарѣ 11 дней. Чтобы лишить возможности снова видѣть городъ, его провели изъ кургана полемъ, по обходной дорогѣ, называемой государственною, о которой было замѣчено выше, при описаніи передняго пути. Не доходя дер. Артыша, дорога эта вышла на старую. Несмотря на то, что южный склонъ Тянь-Шаня, судя по времени года, покрылся уже снѣгомъ и трудно было рассчитывать перевалить черезъ Богушты, нашему офицеру не позволяли избрать другаго, болѣе удобнаго пути. Тѣмъ не менѣе, разставшись на Теректы съ двумя провожатыми чиновниками, Рейнталь свернулъ вправо (на востокъ), въ томъ предположеніи, что дорога эта будетъ короче. Съ р. Текелина (впадающаго въ Аксай съ юга) посланъ былъ джигитъ на Богушты осмотрѣть перевалъ; но онъ скоро возвратился, объявивъ, что перевалъ заваленъ снѣгомъ. Убѣдившись въ невозможности перехода чрезъ главный хребетъ по Богуштѣ, Рейнталь

продолжалъ путь къ востоку, на перевалъ Тузъ-Ашу, пересѣкая при этомъ многіе сѣверные притоки р. Аксай.

Подходя къ перевалу, наши путники увидѣли, что лога были занесены снѣгомъ по брюхо лошади; въ довершеніе трудности поднялся еще буранъ, мгновенно заносившій слѣдъ. Спускъ по Тузъ-Ашу въ долину Атъ-Паши, по своей крутизнѣ, не лучше богуштинскаго; здѣсь по рѣчкѣ растутъ тальникъ, верескъ и еловый лѣсъ. Спустившись по крутому лѣвому берегу рѣчки Тузъ-Ашу, дорога перешла на правый берегъ Атъ-Паши и потомъ, повернувъ на сѣверо-западъ, привела къ Нарынскому укрѣпленію. Отсюда Рейнталь написалъ письмо Якубъ-беку, благодарилъ его за гостепріимство и просилъ вручить провожавшимъ его чиновникамъ посылаемые для нихъ въ подарокъ куски матерій на халаты.

Въ заключеніе кстати будетъ замѣтить, что Рейнталь выразилъ сомнѣніе, что вещи эти дойдутъ по адресу: Якубъ-бекъ, вѣроятно, оставитъ ихъ у себя! Таково впечатлѣніе, вынесенное имъ о личности нынѣшняго кашгарскаго властителя. Вообще говоря, въ Кашгаріи мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ средне-азіатскимъ деспотомъ, но человѣкомъ далеко недюжиннымъ.

В. Н.....ъ.